

Структурно-инвестиционная политика

УДК 330.322

Очередное заседание Богомоловского клуба, состоявшееся 27 февраля 2017 г. в Институте экономических стратегий РАН, было посвящено обсуждению вопросов структурно-инвестиционной политики в целях устойчивого роста и модернизации экономики.

Ключевые слова

Инвестиционная политика, промышленность, транспорт, сельское хозяйство, монополизм, конкуренция.

Structural and Investment Policy

The regular meeting of the Bogomolov Club, held on February 27, 2017 in the RAS Institute for Economic Strategies was dedicated to discussing the issues of structural and investment policy aimed at sustainable growth and modernization of the economy.

Keywords

Investment policy, industry, transport, agriculture, monopolism, competition.

Ивантер Виктор Викторович,
директор
Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, академик РАН

Недавно мы выпустили доклад, который называется «Структурно-инвестиционная политика в целях устойчивого роста и модернизации экономики». Структурно-инвестиционная политика нами выбрана не случайно, это попытка реабилитировать понятие, которым мы пользовались много лет, а затем оно было заменено понятием «промышленная политика». Но если говорить о промышленной политике, то есть политике в сфере промышленности, то как быть с транспортом и сельским хозяйством?

Необходимо понять, что речь идет об инвестиционной политике, и не просто о развитии, а об изменении структуры. Здесь очень важна проблема, напрямую связанная с проблемой качества. Мне кажется, тут имеет место смешение понятий: большинство неэкономистов под качеством понимают качество продукции в прямом смысле слова. Но есть еще и понятие «качество экономики», оно определяется структурой экономики. Это не значит, что есть какой-то вечный набор структурных систем, который годится для всех. Говорят, что у нас ужасная структура экономики. Почему? Мы добываем нефть, газ, металлы и все это продаем вместо того, чтобы писать компьютерные программы, продавать их и на это жить. Причем это версия не только людей безграмотных, но даже людей грамотных: в России избыточное количество ресурсов, если бы нефти у нас не было, мы бы с вами замечательно жили и так далее. Короче говоря, надо изменить структуру. Есть даже такие объяснения: продавая сырье, вы продаете продукцию с малой добавленной стоимостью. А рента — это не добавленная стоимость? Я приведу такой пример: цена нефти сейчас 56 долларов за баррель, и мы знаем, что издержки ее транспортировки в среднем в России составляют

20 долларов. Оставшиеся 27 долларов — это не добавленная стоимость?

При этом говорят: плохо, когда мы продаем сами себе, волатильность не очень высокая, и это правда. Представьте, что в 2009 году Россия основную часть доходов получала бы не от продажи нефти и газа (помните, тогда цена нефти упала до 39 с половиной долларов), а торговала бы, скажем, автомобилями и машиностроительной продукцией. У нас бы полстраны не работало.

К высокой волатильности нужно относиться спокойно. Когда цены на нефть падают, добыча у нас растет. Нам с вами повезло, что у нас в стране есть ресурсы. Россия — страна холодная. Представьте, что было бы в России, если бы нам пришлось покупать где-то 230–240–250 миллионов тонн нефти ежегодно на свое собственное потребление.

➤ **Есть понятие «качество экономики», оно определяется структурой экономики и стоящими перед ней задачами.**

Я сейчас говорю о неверных представлениях об изменении структуры экономики, но структура экономики у нас действительно неудачная. Как проверить, удачная она или неудачная? Очень просто. С какими достижениями рыночной экономики все согласны и никто не готов от них отказываться? Это проблема потребительского выбора: раньше его не было, а сейчас он есть. Предполагалось, что потребительский выбор будет обеспечен за счет внутреннего производства, но мы обеспечили его за счет импорта, и вот тут возникала проблема. Наша версия нефтяной иглы связана с тем, что мы потребляем, а не с тем, что мы производим. Это такое, я бы сказал, примитивное представление о структуре экономики. В действительности речь идет о диверсификации экономики, но неверно думать, будто есть какая-то истина в последней инстанции, какие-то вечные представления о том, какой должна быть структура экономики. На самом деле это очень подвижная вещь, которая зависит от времени и рынка, поэтому и структурно-инвестиционная политика тоже подвижна, она определяет действия.

В чем принципиальная разница между той структурно-инвестиционной политикой, которую мы формировали и прогнозировали при советской власти, и той, которую рассматриваем сейчас? В наших самых первых работах все решения определялись структурой инвестиций. Мы делали план-таблицы, показывали, как нужно, какой по-

➤ **Рынок технологий — это как закрытый клуб, где членским билетом является наличие собственных технологий.**

рядок инвестиций и, значит, какими должны быть распределение, эффективность и т.д. В результате получили новую структуру экономики, ту, которую мы считали правильной. Это не значит, что власть это использовала, где-то применяла, но такое было представление о структуре. Имело место прямое распределение инвестиций, и все понимали, что пишут одно, а делают другое. Сейчас ситуация принципиально изменилась. Есть два подхода к инвестициям. Один — крайне либеральный; он лучше всего сформулирован Потаниным, который одно время был вице-премьером. Потанин сказал следующее: снижается инфляция, снижаются кредитные ставки на инвестиции, и все, что я должен делать, — это пить кофе. Нельзя сказать, что это не так. В данном случае автоматика рынка доведена до абсурда. Он говорит: есть спрос, есть ресурсы, а рынок это все регулирует и соединяет.

Я обратил внимание, что никакой злонамеренности в действиях не было, а было сказано: наша продукция в целом ряде отраслей неэффективна. И эта неэффективность связана с монополизмом. Что делать? Создать конкуренцию. Если будет конкуренция, немедленно начнется борьба за рынок. Мы открылись, и выяснилось, что сырьевые отрасли оказались конкурентоспособными, а все остальные нет. Вместо того чтобы начать бороться за рынки, они просто закрылись. Оказалось, что все не так просто, и мы получили ту структуру, которую сегодня имеем. Мы открыли свой внутренний рынок, и он

ничем не отличается от внешнего, он конкурентоспособный. Еще раз говорю: никакой злонамеренности в этом нет. Вы производите то, что умеете делать хорошо, качественно, а все остальное покупаете.

Но есть вещи, которые на внешнем рынке купить нельзя, это, например, оборонная продукция. С этим никто не спорит, но была версия, что за деньги можно купить передовые технологии, и она все еще актуальна. Я использую хороший образ, который придумал профессор Комков. Он говорит, что рынок технологий — это как закрытый клуб, где членским билетом является наличие собственных технологий. Есть сферы, где мы на равных конкурируем на мировом рынке, — атомная промышленность, ракетная, авиация и так далее. А там, где у нас нет технологий, нам их не продают. Классический пример — попытка купить «Опель». В данном случае речь не идет о самых передовых технологиях, но нам это сделать не дали. Более того, есть версия, что до введения санкций мы покупали оборудование в Европе и Америке. Вранье. Оно в основном шло из Китая — конечно, не китайское оборудование, а произведенное в Китае. С этой точки зрения ситуация после 2014 года сильно изменилась в области технологий, тогда поменялась структура. Но совершенно не в том смысле, что нам перестали что-то продавать. Я хочу привести пример: в Карском море скважины бурит «Экшн Мобил», потому что они за это платили. «Роснефть» ни копейки за это не заплатила. Было вложено порядка миллиарда долларов, и обратно эти деньги «Экшн Мобил» получит, когда нефть начнут экспортировать. Другой вопрос, что при ценах 40–45 долларов бурить в Арктике — дело совершенно бессмысленное, поэтому никто и не собирается это делать. А наши платформы, которые можно было для этого использовать, работают во Вьетнаме.

Есть технологии, которые мы бы хотели получить, но их нельзя купить, и это не проблема денег, а проблема отсутствия наших собственных технологий.

Критерием качественной структуры является прежде всего конкурентоспособность на внутреннем рынке, а мы отдали внутренний рынок и теперь должны его завоевать. Второе: нельзя ничего продать туда, чего вы не продаете тут, иначе риски вы перекладываете на покупателя. Это характерно для военной продукции. Был момент, когда стало ясно, что будут ограничения на продажу нам военного оборудования, потому что мы не могли представить результаты использования этих систем у себя.

Качество экономики меняется, оно определяется структурой экономики и стоящими перед ней задачами. Должна быть какая-то цель, и эта цель реализуется в новой структурной инвестиционной политике, когда инвестиции направлены на определенные элементы структуры. Основная проблема заключается в том, что вместо Госплана у нас есть рынок и его надо стимулировать, нужно создать систему, при которой бизнесу было бы выгодно работать.

Наш бизнес в нынешних совершенно диких условиях функционирует вполне эффективно там, где ему это позволяют. Надо создать ему нормальные условия. Имеется ключ, с помощью которого можно все сделать. Есть мнение, что, если снизить ключевую ставку до 5 процентов, все будет замечательно. Не будет. В чем сейчас проблема ключевой ставки? Стандартное объяснение заключается в том, что часть ставки очень высокая, поэтому бизнес не может получить деньги на свои проекты. Ничего подобного. Ключевая ставка — это цена моих денег, а не денег Центрального банка, который никому их не дает. Более того, любой банк может держать депозит, если ключевая ставка десять, то есть он держит в Центральном банке депозит под девять процентов. Значит, девять процентов — это абсолютно безрисковые инвестиции, которые я получаю, ничего не делая. Под какой процент я могу войти в промышленный проект? Не меньше чем 18, потому что сумасшедших нет. В этом смысле ключевая ставка — это не способ разбрасывания денег Центрального банка, а способ стимулировать использование собственных средств.

Хотел бы еще сказать несколько слов о катастрофистах, считающих, что в России все очень плохо и ничего не получается. Они посрамлены, катастрофы не произошло. Более того, есть сектора, которые оказались очень успешными, это, например, оборонно-промышленный комплекс. Те, кто знает, в каком состоянии он пребывал, удивлены его возрождением. Да, там есть довольно существенные недостатки, но все-таки его продукция летает и стреляет. ВПК восстановился, и это очень суще-

ственное обстоятельство. В данном случае сработала классическая патерналистская система. Были, конечно, глупости типа кредитования, когда вместо аванса практиковалось кредитование банками под 10 процентов годовых, что отнимало средства, но эта система почти ликвидирована.

Второй сектор — сельское производство. Ему дали кредиты под 5 процентов годовых, субсидии, и он добился успеха. Эти отрасли развиваются за счет патернализма, но есть две отрасли, которые реструктуризировались на рыночных условиях, работая на спрос, — металлургия и химия полимеров. Наша черная металлургия сейчас одна из лучших в мире по технологическому оснащению.

Структурно-инвестиционная политика связана с двумя направлениями. Первое — это элементы патернализма там, где, с одной стороны, нужны энергичные усилия государства, а с другой стороны, необходимо инициировать спрос, чтобы обеспечить нормальную работу ряда отраслей. Еще одна проблема, важная для структурной экономики, — это проблема конверсии. Объявлено, что к 2020 году резко снизится объем оборонных заказов, следовательно, и загрузка предприятий. Значит, нужно провести последовательную подготовительную работу, но никто ничего не делает и делать не будет. Сдела-

➤ **Есть технологии, которые мы бы хотели получить, но их нельзя купить, и это не проблема денег, а проблема отсутствия наших собственных технологий.**

➤ **Самодетельность в экономике — это сейчас самая главная опасность на пути принятия рациональных и разумных решений.**

ют тогда, когда оборонный заказ упадет: оборонщикам будет предложено выпустить прогулочный танк — это первый вариант. Второй вариант — быстренько создать новые производства за забором.

В чем принципиальная разница между той конверсией, которая должна была быть, и нынешней? У нас нет избыточных военных мощностей, и нельзя сказать, что ничего в этом смысле не делается. Имеются довольно интересные работы, связанные с созданием приборов для медицины, и так далее, но все это рассчитано на бюджетное финансирование. Для рынка пока ничего такого не сделано. Нужно инвестировать сейчас, чтобы в 2020 году можно было работать в новой системе. Это очень важный элемент структурно-инвестиционной политики, которая может стать инструментом, позволяющим нашей экономике выйти на другой уровень. Необходимо масштабное увеличение инвестиций, и мы сегодня можем это сделать без ущерба для потребления населения.

Предсказываю: ничего из того, что мы предлагаем и что предлагают левые и правые, сделано не будет, но при этом экономика в 2017 году вырастет процента на три. Почему? Всем надоело, и люди стали что-то производить. У меня нет доказательств, но есть такое предчувствие. А если экономика

вырастет на 3 процента, то начальство точно ничего делать не будет — и так все хорошо. Самодетельность в экономике — это сейчас самая главная опасность на пути принятия рациональных и разумных решений. Обращаю ваше внимание, что в январе реальные доходы населения выросли на 8 процентов. Это сильные показатели.

А.И. Агеев, генеральный директор Института экономических стратегий РАН: У меня три вопроса. Первый: Вы упомянули два похода: потанинский и второй, как я понял, дирижистский. Изложите более подробно второй подход. Второй вопрос: какова сейчас реальная доля оборонной продукции в структуре ВВП и в инвестициях и какая нам нужна норма инвестиций? И третий вопрос: Вы полагаете, что в 2017 году экономика вырастет на 3 процента, а какой рост будет в 2018 году?

В.В. Ивантер: Абсолютный дирижизм в нашей стране уже был, но в мобилизационной экономике нельзя получить результат, который устраивал бы население, это первое. Вторая проблема связана с удельным весом военных расходов. В чем удельный вес: в валовом внутреннем продукте? Это довольно сложная система расчетов. Можно с уверенностью сказать, что милитаризации у нас не произошло. Относительно оценок я бы сказал так: все зависит от того, что мы включаем в ВВП. Если в валовом внутреннем продукте финансовые услуги составляют 20 процентов — это одна экономика, а если 10 процентов — это другая экономика. Вообще, ВВП — показатель, который интересен тем, кто понимает, как он получается. В свое время я сказал Фрадкову: знаете, еще не было случая, чтобы люди бегали с флагами: «Даешь рост валового внутреннего продукта». В стране только несколько человек знают, что это такое. Он стал смеяться.

Это все-таки аналитические вещи. Повторяю: избыточного милитаризма у нас нет. Другое дело, что мы еще не разобрались, скажем, с авиационной промышленностью — сколько нужно заводов, кто и что будет делать, каким должно быть соотношение между основной продукцией и продукцией двойного или близкого назначения. Я убежден, и не только я, что военная авиационная промышленность не выживет без гражданской. В 1993 году я летел из Москвы в США без посадки в Дублине на самолете с пермскими двигателями. Нормально добрался туда и обратно. Прошло столько лет и что произошло-то? Думаю, это не экономическая проблема. Нельзя иметь эффективную авиационную промышленность, если мы производим 50 самолетов в год.

С другой стороны, профессор Фролов считает, что есть проблема компетенции, имеющей самостоятельную цен-

ность. Это может не быть конкурентоспособным, но это попытка получения компетенции, которая в дальнейшем стратегически может оказать существенное влияние. Полагаю, что тут тоже есть не всегда экономический расчет. Примером может служить строительство дороги из Петербурга во Владивосток, которая коммерчески была совершенно не эффективна, но мы ее построили и, как потом оказалось, правильно сделали.

А.И. Агеев: *Ваши ожидания на 2018 год?*

В.В. Ивантер: Ощущение такое, что в 2018 году опять будет сброс, потому что здесь не может быть полной самодостаточности.

А.В. Тимохин, главный специалист Научно-организационного отдела РАН: *Не кажется ли Вам, что в Вашем докладе было небольшое противоречие между тем пассажем, когда вы говорили о реальных ставках и их влиянии на развитие, и примером о сельском хозяйстве, в котором субсидирование этой процентной ставки до 5 процентов ее реального наполнения дало такой взрывной рост. И второй вопрос: Вы закончили тем, что выход видите в развитии инвестиций. Имеются в виду государственные инвестиции или частные?*

➤➤ **Нельзя иметь эффективную авиационную промышленность, если мы производим 50 самолетов в год.**

В.В. Ивантер: Экономика у нас структурно не сбалансированная, технологически не равновесная. У Еременко довольно подробно это все описано. Когда экономика находится в состоянии структурно-технологического равновесия, общие экономические действия и их последствия могут быть более или менее просчитаны. Конечно, я не имею в виду экстраординарные события. У нас есть отрасли, которые могут нормально работать, если им обеспечить стандартную доступность к кредитным ресурсам. Но имеются и отрасли, для которых совершенно не важно, какая будет ставка. Возьмем машиностроение. Там проблема не в ставках, а в спросе. Кто купит его продукцию? Продукция сельского хозяйства является всегда востребованной, потому что население каждый день завтракает, обеда-

ет и ужинает, а с потреблением подшипников все гораздо сложнее.

Теперь, что касается источников инвестиций. Я думаю, что все это история, выдуманная государственной администрацией. Гарин-Михайловский написал кроме книги «Детства Темы», которую мы все знаем, еще и «Инженеры». Там очень интересно описано, как сочетаются частные и государственные инвестиции. Сейчас переиздали лекции по экономике народного хозяйства, которые Витте читал великому князю Михаилу. Там очень подробно описана разница между государственными и частными инвестициями. Чьи деньги — это не важно. Получая кредит в банке, вы не спрашиваете, чьи это деньги. Другое дело — кто их использует. Экономика не может отличить, чьи это деньги — западные, наши. Да и как это узнать?

Д.А. Митяев, руководитель Центра системного прогнозирования: *Можно задать два вопроса? Первый: возможна ли структурно-инвестиционная политика в той модели встраивания России в мировой рынок, который есть сейчас? Мы выводили и в 1990-е, и в 2000-е годы по процентному каналу три-четыре-пять процентов ВВП. И сейчас продолжаем это делать через процентный канал, через курсовой и технологический каналы. Иначе говоря, мы сознательно вывозим эти деньги, отдаем мировому рынку? Второй вопрос связан с первым: была поставлена цель к 2025 году в России выровнять цены на энергоносители относительно мировых. Будет ли возможно в этих условиях в России хотя бы простое воспроизводство?*

В.В. Ивантер: Что касается вывоза капитала, здесь есть непонимание. Под вывозом капитала публика понимает криминальный вывоз капитала.

Если говорить о легальном ввозе и вывозе капитала — это совершенно нормально. Другой вопрос, что ресурсы, полученные из внешнего мира в валюте, мы используем неэффективно. Еще раз говорю: полученную валюту можно использовать только на импорт, а мы ее тратили на покупку продовольствия. Разумно ли это? Думаю, что нет. Но основная проблема сегодня все-таки не вывоз капитала — сейчас у нас вывоз небольшой. И что? Хорошо живем? Но когда говорят, что у нас все вывезли, это сильно возбуждает публику. Вся эта история напоминает мне поиски золота партии...

□

ПЭС 17039 / 27.02.2017

Видеозапись и стенограмму дискуссии «Структурно-инвестиционная политика» см. на сайте Института экономических стратегий <http://www.inesnet.ru/chapter/diskussionnyj-klub/>